

~~СТОН~~

Агапов Николай

16+

Николай Агапов

С(т)ОН

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67606989

SelfPub; 2022

Аннотация

Три-два-один... пуск.

Приветствую вас, мои любопытные любители внеземных спринтов. Готовы пробежать вместе со мной эту короткую дистанцию, чтобы узнать, кто из жителей Луны получит приз в самых необычных соревнованиях во всей солнечной системе?

На старт – внимание – вперед!

Николай Агапов

С(т)он

Мимо проплывали и проглатывались краем иллюминатора лица знакомых ему людей, мужчин и женщин, с которыми он еще недавно соревновался. Они дружелюбно махали ему, некоторые женщины слали воздушные поцелуи. А он – победитель единственный и неповторимый, словно древний божок в пылающей колеснице, сидел в комфортабельном кресле шаттла, который в скором времени доставит его на Землю.

Он закрыл невесомыми веками глаза, и словно вспышки от фотокамеры ему стали вспоминаться последние дни.

Вспоминал, как он, сидя в комнате подготовки, сказал своему сопернику из модуля «Америка» все, что узнал о древнем английском языке: «Фак ю ду ю ду май лорд!» Стиф улыбнулся ему и на стандартном универсусе спросил: «А что это значит?»

– Ха, ты даже не знаешь языка, на котором говорили твои предки?! А еще живешь в модуле «Америка», – и сделал нарочито брезгливое лицо, потом постарался растянуться в хищной гримасе и съязвить. – Ну, вот тебе задание, пока будешь ждать моего возвращения с Земли: выяснить, что это значит.

– П-ф-ф, вот это мы еще посмотрим! – парировал Стиф. –
Смотри, как бы не дал тебе задание отчитаться об этом по
МОЕМУ прибытию с Земли.

И Стиф затонул в самодовольной улыбке. Макс тогда подумал: «Какой бахвальный ритуал! Все говорят о возвращении, но до сих пор еще ни один не возвращался оттуда».

Это был первый день в комнате подготовки, потом мило общаться получалось все реже, да и каждый все больше «настраивался» у себя в опочивальне. Участники сноорофона сходились лишь в одном: если хочешь дольше проспать, нужно накануне очень не выспаться.

Он снова посмотрел в иллюминатор, пытаясь понять, завидовал ли ему кто. «Наверное завидовал, да, хотя как можно завидовать тому, чего не испытал? Смешно, не так ли?» – спросил Макс самого себя. – «Мы все привыкли жить тут, на Луне. А как там, на Земле – мы не знаем. Так чему же завидовать? Тому, что я увижу ее не с расстояния в почти четыреста тысяч километров, а буду попирать ее ногами, как наши далекие предки?»

Он вглядывался лицо Хё, которое напомнило ему серьезного дракона, который задумался то ли над решением очередной непостижимой тайны, то ли об очередном замысле свержения недостойного правителя. Интересно, считал его Хё недостойным, или просто сам хотел оказаться на его месте? Ему показалось, что губы жителя модуля «Китай» про-

изнесли «удачи», хотя может это было «сдохни». И Максим не то помахал последним людям, стоящим на причале, не то отмахнулся от неприятной мысли.

Снова моргнул веками-диафрагмами, и на белесо-серой внутренней отделке шаттла вспыхнула картина прошлого.

Он просыпается в капсуле, сердце срываясь в галоп, пытается выгнать неистовыми толчками остатки только что пережитого ужаса сквозь поры вместе с потом.

Максим хочет и не может развидеть этот кошмар. Он мирно лежал на какой-то полянке в березовой роще в парке. Плясь в искусственное небо, он играл в игру «кто кого пересмотрит, не моргая». По его щекам уже текли теплые слезы, но он держался и не моргал. Как вдруг услышал шуршание, словно кто-то мял и терзал бумажный пакет. Он приподнял голову в направлении звука и остолбенел: к нему подползало отвратительное существо, напоминающее змею кроваво-красного цвета, у которой из-под кожи топорщились желтые, набухшие не-то вены, не-то канаты, которые то проявлялись, то исчезали в складках существа, в то время как оно продвигалось все ближе и ближе к Максу. Двигалась тварь то раздуваясь, то вытягиваясь в струну, а он лежал не в силах пошевелить ни одним своим членом, словно загипнотизированный ее зеленым взглядом. Отвратительное создание остановилось рядом с Максом и, надувши верхнюю часть, расплзлось в плотоядной улыбке, перешедшей в оскал, а по-

том показался пульсирующий всеми цветами радуги зев существа, из центра которого на несчастного начал выдвигаться какой-то орган твари – не то зуб, не то коготь. Макс орал от ужаса и отвращения: «Пусти меня, уродина! Отстань!» Монстр не обращал внимания, и вдруг Макс заметил, что из его болотно-изумрудных глаз потекли слезы. От удивления он даже перестал метаться и пытаться вырваться, и тут заметил, что эти «слезы» взлетают с отвратной морды существа и летят к нему. Они напоминали маленьких пчел, только сплошь усыпанные усиками или ножками, которые отвратительно подрагивали и тянулись к Максиму. Они стали приземляться на Максима и вгрызаться в кожу, заполняя каждый миллиметр поверхности. Макс ничего не чувствовал, и это было ужасно: видеть, как существа погружаются внутрь. На поверхности оставались лишь их маленькие гадкие крылышки. Что-то произошло, и Максиму удалось двинуть руками. Он, медленно двигаясь, словно сквозь дрожащий и тепло-вязкий кисель попытался смахнуть с себя этих существ. Но его рука не повреждала, а только гладила их, словно упругие стебельки сорной травы. Максим пытался вырвать их, но рука скользила по крылышкам без видимого эффекта для мерзких созданий. Вдруг увидел: что-то странное происходит с его телом. Он пытался схватить крылышки или существ, но пальцы его сминались словно перчатка, наполненная водой. Максим с испугом потыкал в руку, живот, грудь – эффект ужаснул его, вся плоть его была словно пластико-

вый мешок, наполненный жидкостью. Ему кое-как удалось перевернуться на живот, и тут он заметил, что нижняя часть его осталась неподвижной, а чуть пониже груди он перекрутился и превратился в отвратительное подобие песочных часов. Несчастный пытался ползти вперед на руках, но тут понял, что движется только назад. Тысячи существ, облепивших его, заработали крылышками и потянули в сторону здоровенной химеры. Макс в паническом страхе оборачивался назад, стучал бесполезными руками-пакетами по зеленой травке и видел, как с каждой секундой плоть по краям органа существа сворачивалась словно шкурка банана, открывая мохнатый хоботок, подергивавшийся в алчущем предвкушении. Он видел, как хоботок вонзился со звонким хрустом в его правую ногу и услышал отвратительные чавкающие звуки, увидел, как через прозрачную плоть хоботка потекла коричневая субстанция. Чудище все ближе и ближе наклонялось к Максиму, загоняя чавкающий хоботок вглубь беспомощного тела. Ему оставалось одно – кричать. Он орал, крыл по чем зря монстра и, не в силах оторваться, вглядывался в зеленые пустые глаза. Этот зеленый свет заполнял его, замещал все то, что выпивало существо. В этот момент Маским и проснулся.

Лишь спустя некоторое время он осознал, что вокруг него радостно переливается зеленый цвет – цвет победы, а сама капсула нежно скользит по рельсам к центральному хабу. Чтобы убедиться, он выглянул из капсулы – насколько хва-

тало глаз, все рельсы, расположенные веером относительно центра-хаба, были пусты, значит капсулы были уже внутри – он победил. Макс приложился к прохладному стеклу иллюминатора и так въехал в шлюз хаба.

Внезапно открылся шлюз, и темный, беззубый, ненасытный череп космоса всосал весь воздух из шлюза одним смачным, звонким, но бесчувственным засосом, а следом холодный язык вакуума оплел шаттл, и тот, словно нехотя, стал потихоньку вылазить из уютного лона поселения в бездонную утробу ночи.

Эта черная бездна вдруг напомнила ему бездонные глаза Аамаки. Ему вспомнился ее запах. Как странно: она подарила ему столько удовольствия, но первое, что ему пришло в голову, не эти пикантные и взрывные ощущения, а ее запах. Когда они пошли в опочивальню, был третий день подготовки.

Он пока еще сидел только на кофе, поэтому в руке у него была парящая кружка черного напитка. Он уютно разместился на кушетке, расположенной в спокойной зоне комнаты подготовки, прислоняясь спиной к куску отполированного до блеска лунного грунта. Из активной зоны, как всегда, слышался легкий шум, напоминающий журчание ручейка, и смоделированный таким образом из гвалта, раздающегося в активной зоне, специальными шумоподавителями. В общем,

его настрой был вполне умиротворенный, и он меланхолично листал фотоальбом на планшете. Иногда, останавливаясь на каком-то фото, с которым у него было связано особенно приятное воспоминание, добавлял снимок в специальном. Застав его врасплох, к нему на кушетку присела соперница. Он уже видел ее не раз: когда они встречались взглядом, то из вежливости кивали друг другу. От неожиданности Макс дернул рукой со стимулянт, и несколько капель горячего напитка вылились ему на рейтузы. Он вскрикнул: «Ау!» И в то же мгновение промелькнула абсурдная мысль: «Блин, еще бы пару сантиметров правее, и моего друга пришлось бы совать в морозилку. Вот все бы поржали, глядя на это со стороны» – и представилась эта картина, заставившая его невольно усмехнуться.

– Прошу прощения! – сказала внезапная гостья. – Я нечаянно! Но судя по вашей реакции, вам понравилось.

Она немного недоуменно и одновременно растерянно смотрела на него. Внезапно у нее на губах заиграла игривая улыбка:

– Но если бы я знала, что вам это нравится, то я бы намеренно толкнула вас посильнее.

– Да, нет, это было просто боль... неожиданно вернее, – он невольно глянул на свои рейтузы: три черных капли были почти не видны на фоне черной материи.

Вдруг он понял, что незнакомка проследила за его взглядом и смотрит туда же, куда и он. Максим поспешил под-

нять голову: ему стало неловко от того, что ему препарируют взглядом промежность.

– А-а-а... – начал было он.

– Аамака, да, вы почти угадали, – ловко нашлась незнакомая-уже-знакомка, перебрасывая взгляд с промежности в глаза Максима, начинающего чувствовать себя неловко.

– Вы позволите? – и Аамака потянулась к кружке с божественным нектаром.

Не успев ничего ни сказать, ни сделать, Максим почувствовал, как ее пальцы коснулись его пальцев, держащих кружку. Максиму стало жарко, нет, вернее горячо – ну конечно, ее рука плотно прижала его пальцы к кружке. Она, не отпуская его руки, поднесла кружку к губам и сделала глоток. Жар нарастал. Максим взглянул в ее глаза: там, в глубине смешались яркий свет окружавших их ламп, черный кофе, испускающий волны и ряби бодрящего аромата, сам он с недоуменным лицом и что-то близко-далекое, и неуловимое, словно нити паутины, скрепляющие все это воедино. Все перетекало, трепыхалось, пульсировало в ее глазах.

– Пойдем ко мне, – впрыснули ему в ту древнюю часть мозга, из которой нет возврата, то ли ее шоколадные губы, то ли черные глаза.

Затем он оказался в ее опочивальне и помнил, как она оставила кружку, которую наш герой судорожно сжимал, на столик у входа. Он машинально взглянул на руку: там пылало красным обиженное неласковым обращением место. Аа-

мака закрыв дверь его спиной, прижалась, словно тьма окутала его, и впиалась горячим поцелуем ему в губы. Тут его и накрыл ее запах. Физическая оболочка жила своей жизнью: ловко и умело управляя собой и ее телом. А Максим парил в божественных нелунных ароматах темной красавицы, кутался в них, рвал в клочья, пытаясь постичь все нюансы, и тут же забывался отравленный их диковато-терпким послевкусием. А по стенам в синеватом отсвете приглушенного ночника скакали две тени, часто сливаясь в одно невообразимое чудовище. Сладкая истома стекала медовыми каплями, а нежно-звонкие стоны скакали как мячики для пинг-понга между потолком и полом.

Максим невольно глубоко втянул запах напичканной электроникой кабины шаттла, но ничего кроме стерильных ноток, разбавленных тошнотворными примесями очистителей, он не ощутил. Он почувствовал некую даже тоску по Аамаке.

– Наверняка, это был просто ее способ подготовки, – обратился он к безучастной голове робота-сопровожденца, но, как и следовало ожидать, в ответ получил лишь многозначительную тишину.

– Я этого никогда не узнаю, – сказал он своему отражению в иллюминаторе, и ему стало немного грустно. Да, он знал, что существует негласное табу на раскрытие секретов подготовки. У каждого он свой: этот секрет. У Макса это бы-

ли погружения в приятные воспоминания, чтобы попытаться заглушить грядущий ужас кошмаров, у Аамаки – вероятно секс, у Хё... Макс невольно улыбнулся, этот мелкий житель модуля «Китай» все ходил, задираясь и провоцировал всех на драку. И, естественно, получал, никогда правда ничего серьезного, так... фингалы, ушибы, пинки. Особенно ближе к седьмому дню, когда у многих нервы были уже ни к черту. Что было его фишкой? Боль? Сам процесс задиранья? Кто его знает...

Шаттл стал набирать скорость, и Максим вновь смахнул веками-диафрагмами назойливую мошку-реальность, и в миллиардах остекленевших глаз-звезд увидел, как он лежит в капсуле.

Макс весь мысленно сжался в предчувствии иглы, инициирующей сон. Он вглядывался в темноту космоса, и в эти последние минуты думал о том, какая ирония: «Вокруг них беспроглядная тьма космоса, а когда человек закрывает глаза, то погружается в еще более плотную завесу тьмы, и что само ужасное – за этой завесой скрываются и только и ждут подходящего момента, чтобы вырваться и укусить, самые разнообразные твари-кошмары, и нет от них спасения... Ни у кого на этой Луне. Мы даже придумали это глупое соревнование. Кто дольше проспит? Ну не бред разве? Но вот он здесь, один из «счастливчиков» лотереи, проводимой раз в 4 года. Но как же это абсурдно». Он представил, как бы на

него посмотрели жители Земли, живущие скажем в 20 веке, если бы он сказал, что у них проводятся соревнования, кто дольше проспит, вернее выдержит кошмаров. На этой пессимистичной ноте ему, как и 92 остальным участникам со всех модулей-стран единственного города-муравейника на Луне с издевательским названием Земля, безжалостный механизм ввел инъекцию инициатора сна, и все участники соревнования отправились на встречу своим кошмарам. Сознание Максима затянули нити забвения, которые ткались в сплошную смоляно-черную вуаль, под которой уже что-то волновалось и клокотало. В самое последнее мгновение перед тем, как его сознание полностью угасло, Макс попытался воскресить в себе одно из самых приятных его воспоминаний. Он вспомнил лицо своего отца, который, читая ему книгу «Сказка о царе Салтане», не мог после строчки «Комаром оборотился, полетел и запищал» не отложить книгу в сторону, скорчив ужасную «комариную» гримасу, запищать так, что после этого сон как рукой снимало. И в это последнее мгновение Максим увидел гримасу отца и уловил протяжное пищание, которое растворилось в бесконечной тьме.

Максим отвлекся от своих воспоминаний и посмотрел через плевую иллюминатора: там ширился, рос, набухал, разрастался купол-живот некогда зеленой Земли и вскоре заполнил собой весь обзор из иллюминатора.

Механический голос произнес:

«Единственный и неповторимый победитель тридцать восьмых соревнований по снорфону, Вам предлагается самому выбрать точку приземления, либо за вас это может выбрать алгоритм случайного выбора. Напоминаем, что положенные вам 24 часа начнутся с момента первого приземления. Каков будет ваш выбор?»

На выдвинувшемся перед ним мониторе замерцали две кнопки: «выбрать самому» и «случайное место». Максим было потянулся к случайному выбору, как вдруг вспомнил одну вещь, которую он хотел воплотить, ткнул пальцем в «выбрать самому». Появилось снова две кнопки: «я знаю куда хочу» и «помочь с выбором», он ткнул во второй вариант. Механический голос уточнил: «Куда бы вы хотели попасть?»

– Подскажи, какие были лучшие винодельческие регионы до Катастрофы?

– По данным последнего выпуска журнала «Мировой сомелье» 2072 года лучшим был признан регион долины Роны, деревня Растро.

– Вот и отлично, приземляемся там, как можно ближе к домам.

На экране после ряда последовательных приближений показалась коричневато-серая область, на которой проглядывались очертания домиков, в которых когда-то жили люди. Пульсирующий круг стал указывать точку приземления. Максим был не против и нажал «подтвердить». Таймер обратного отсчета показал 37 минут 46 секунд и потащил Мак-

сима за собой, на встречу его награде.

Выйдя из шаттла, он первым делом открыл шлем и вдохнул чистого земного воздуха, да, дышать было тяжело, было ощущение, что он пробежал многокилометровую гонку, а его все гнали и гнали вперед, не давая отдышаться и толкая сердце на новые скоростные рекорды. Запах, окруживший его, казался ему чуждым, инопланетным, хотя, по сути, так, наверное, и было, подумал он: «Я здесь чужак». Он представил, как вдохнул сейчас миллионы триллионов выдохов (и Бог знает чего еще), которые извергло из себя за миллионы лет существования человечество, и ему стало немного тошно от этой мысли. Максим решил оглядеться по сторонам, посмотрел и сорвал несколько не то лишайников, не то травинок – нормальной растительности, как у них на Луне на гидропонных фермах и в парках, тут не было. Поднес пучок к носу, растер его и поморщился, пахло кислятиной и отчаяньем, словно последнее «прости».

«Блин, что за последнее «прости»? Может у меня уже бред начинается от недостатка кислорода?» – но Макс пока решил не закрывать шлем. Огляделся еще раз по сторонам, прошептал детскую считалочку и пошел в домик, на который пал жребий.

В четвертом не обрушившемся напрочь домике Макс улыбнулась-таки удача, за одной из опор для давно сгнивших бочек он увидел торчащее горлышко бутылки и вуа-ля – теперь счастливый возвращался на шаттл. Таймер показы-

вал, что у него еще есть 21 час 32 минуты и пришелец с Луны попросил шаттл составить ему случайный ознакомительный маршрут по планете. Максим подтвердил маршрут и стал разглядывать пролетавший снизу унылый серый пейзаж. Когда ему надоело это занятие, он попросил компьютер вычислить, где будет восход, если они направятся на восток. Через несколько мгновений мертвый голос сообщил, что он встретит солнце над Тихим океаном и даже сообщил гремящие словно пустая банка точные координаты места. Максим посмотрел на карту и неожиданно вспомнил, как читал про страну восходящего солнца, и посчитал это знаком для себя.

– Летим на Фудзияму – скомандовал он бесчувственному пилоту.

Под мерный шум двигателей он снова погрузился в воспоминания, а когда вынырнул из них, то стал различать очертания горы, которая словно упругая налитая молоком грудь алчуще устремлялась ввысь к дитяти, которому не суждено было появиться.

Спустя некоторое время он стоял рядом с шаттлом, рядом неотступно следовал робот-сопровожденец. На горе, на сколько хватало глаз лежал снег, редко-редко выглядывал любопытный глаз-камень, разглядывая пришельца недвижимым взором. Кратер в центре горы зиял как лунка только-что выпавшего зуба. Зуба по близости не наблюдалось: видимо унесла зубная фея. Максим улыбнулся этой мысли, и невольно задумался: «Интересно, у жителей Земли тоже

были зубные феи? Или это наша лунная выдумка? Надо будет посмотреть в книгах, когда вернусь», – сделал себе мысленную зарубку Макс.

До восхода оставалось еще немного времени, поэтому он решил подготовиться. Зашел в шаттл и перерыл всю кухонную зону – штопора не оказалось. Да, видимо он первый из победителей снорофона, кому пришла в голову идея напиться на Земле-матушке. Да и откуда бы людям узнать, о чем думали другие победители? Все 37 шаттлов вернулись порожняком, а от робота-сопровожденца толку было ноль. Взяв стакан, Макс пошел отбивать горлышко о ступени трапа. С третьей попытки ему это удалось. Не без огрех, конечно: немного вылилось на ступени. Макс невольно задумался: «А заметит ли кто это пятно? И что подумают? Убился? Или кто догадается, что это вино? Или возьмут анализ?»

Тут 38 победитель снорофона поймал себя на мысли, что слишком много времени тратит на раздумья о какой-то мелочи-требухе. Тем более, что Земля, ворочаясь в уютном межзвездном пространстве, стягивала темное одеяло, открывая место новому дню. Максим налил в стакан вино и присел на ступенях трапа, устремив взор в бесконечный горизонт, ожидая восхода вечно сияющего светила. От первых лучей солнца он зажмурился, впитывал каждое мгновение, наблюдал как ширится и растет диск, словно пузырек газа в воде, рвущийся на поверхность, чтобы погибнуть. Но Макс знал, что солнце никуда не денется и будет существовать еще

много тысячелетий после того, как сгинет человечество. Он поднял стакан с вином и понаблюдал, как маслянистая жидкость переливается и играет на солнце, затем открыл шлем и попробовал содержимое стакана. Да, это не их лунная по-мойка вкуса пыли и поношенных синтетических тапочек. Он втянул воздух и мгновение наслаждался многогранной композицией аромата, источаемого вином, как вдруг начал задышаться, и ему пришлось снова закрыть шлем.

Одинокий странник сидел у трапа, склонившись над стаканом и размышлял о 37 предшественниках. Попивая вино, он представлял как один из его предшественников заходил в озеро и после бесстрастных предупреждений робота получал... пулю? Удар током? Или инъекцию?

Макс поглядел на своего безмолвного стража, понимал, что от него ответа ему не добиться.

Может кто-то погибал по собственной воле, например забираясь на гору и истекая кровью. Другой, возможно, сигал со скалы во всепоглощающую ненасытную бездну волн. Кто-то, вероятно, погибал в неравной схватке с тираном-сопровожденцем, в тщетной попытке вывести того из строя. Кто-то, кто-то возможно просто молился, молился до последнего. А его предшественник или последователь молил, молил до последнего, своего стража отпустить его, дать ему шанс, оставить его в покое. Много вариантов того, как могли разворачиваться события у других победителей снорофона пронеслось в голове Макса. Но главное – не узнать ему ответа

на основной вопрос: почему же они не захотели добровольно улететь обратно? Он знал, что не получит ответа ни от кого: ни от бесконечного горизонта, ни от слепящего снега, ни от хитрых, всевидящих глаз-камней, ни от электронного совершенства, упрятанного внутри его робота-сопровожденца. Максим прикончил бутылку вина и изрядно опьянел. Солнце уже всю величаво шествовало по лазурной дорожке небосвода. На таймере обратного отсчета было 4 часа и 8 минут.

«Вот ты, – одинокий герой, прищурясь смотрел на светило, – горишь, пылаешь и помнишь, наверняка помнишь, что люди здесь раньше тоже могли жечь костры, дерево, мусор, себе подобных».

«Что молчишь? Стыдно тебе за них? Ну ничего, смотри, – Макс провел рукой вокруг, – никого уж не осталось, ты да я. Залетают тут раз в четыре года к тебе на огонек мои собратья. Ну и как ты их встречаешь? Сухим жгучим ветром? Воздухом, которым надышаться невозможно? А? Что молчишь? Куда идешь? Остановись, поговори со мной. Что, рожей не вышел? Ну и пошло ты!»

Макс поднял левую руку и изобразил неприличный жест. Внезапно он обратился к неподвижно стоящему роботу-сопровожденцу: «А ты что молчишь, дубина ты стоеросовая? Или ты с ним заодно? Слишком важные что ли? А знаешь, что у меня есть?»

Макс порылся в кармане и вытащил зажигалку, покрутил ее перед носом робота. Он знал протокол: зажигать и разжи-

гать огонь было запрещено – наказание смерть на месте.

«Ну, что? – продолжал донимать он безмолвного стража, положив палец на колесико и размахивая зажигалкой перед недвижимым, но всевидящим, причём на 360 градусов, зеленым сенсором робота. – Ну? Что думаешь, не смогу? А? Тварь я дрожащая или право имею? Что ты мне сделаешь? Ну, скажи? Предупреди меня. Что стоишь? Ты, скотина, никогда не забывал вернуться отсюда, никогда. Всех моих предшественников сгноил, а сам вернулся – сволочь! Ну скажи мне, прав ли я?»

Макс ударил робота свободной рукой по голове. Робот многозначительно молчал.

«Да пошел ты!» – и Макс почти провернул колесико, но в последний момент развернулся и швырнул зажигалку в кратер величественной горы.

Он опустился на ступени трапа, положил голову на сложенные руки и заплакал. Слезы капали на обратную сторону шлема. Макс уже почти решил открыть шлем и задохнуться как остальные победители (по крайней мере такое развитие событий казалось ему сейчас самым правдоподобным). Но сознание порой играет с человеком загадочные шутки, и сам того не заметив, Максим провалился в ароматно-пьянящий сон.

Проснулся он от удара током. Робот-сопровожденец тыкал в него своим «пальцем», который посылал непрерывные разряды.

– Да чтоб тебя, гнида! – Макс скатился со ступенек на землю, стал потирать ужаленное плечо. – Ты что такое удумал?

– У вас осталось 2 минуты – время отправляться на лунную Землю. Иначе вы будете уничтожены, – Робот, казалось, смотрел на него убийственным безжалостным непроницаемым взглядом, ловя каждое движение его мускулов.

– Да за... – и тут Макс осекся, в голове внезапно стало светло и возникла одна единственная мысль, которая проросла и поглотила все его существо. Он только что спал и НЕ ВИДЕЛ кошмаров...

В оформлении обложки использована фотография автора Nsey Benajah с https://unsplash.com/photos/5_gku5Usbzk?utm_source=unsplash&utm_medium=referral&utm_content=cr